

DOI 10.15826/izv2.2020.22.4.075
УДК 821.161.1 Бунин-1+ 82.091 +
+ 808.1 +7.036

О. А. Селеменова
*Елецкий государственный
университет имени И. А. Бунина*
Елец, Россия

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ КАК ХАРАКТЕРНАЯ ЧЕРТА СИНТАКСИСА ПОЭТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ И. А. БУНИНА

В статье экзистенциальные предложения рассматриваются как синтаксическая доминанта лирики И. А. Бунина. Интерес к своеобразию синтаксиса художественных текстов Нобелевского лауреата обусловлен малоизученностью этого вопроса, акцентированием внимания лингвистов исключительно на эстетической значимости лексики, ее экспрессивных свойствах и сочетательных возможностях, а также стилистических фигурах и тропах. Между тем именно отбор писателем конкретных синтаксических структур для реализации замысла, репрезентации ключевых идей и концептов отражает его индивидуальность, особенности восприятия окружающего мира.

Источником исследования послужили стихотворения 1886–1917 гг. и 1918–1953 гг., включенные в собрание сочинений И. А. Бунина в девяти томах.

В поэтическом наследии писателя экзистенциальные предложения обладают регулярной воспроизводимостью. Несмотря на традиционность структуры, лежащей в их основе и представленной тремя компонентами со значениями ‘объект бытия’, ‘бытие’ и ‘область бытия’, отмечается богатство лексического наполнения каждого из облигаторных компонентов. В результате этого экзистенциальные предложения становятся универсальной формой представления абсолютно разных ситуаций в индивидуально-авторской картине мира: бытия природных объектов в пространстве, метеорологических явлений, событий, временных отрезков, артефактов и др.; физического состояния окружающего мира; психологических состояний субъекта.

Выступая смысловым ядром поэтического текста, экзистенциальные предложения в его структуре занимают нефиксированное место и используются как лирический зачин, интерпозитивный элемент или концовка. В каждой из позиций их употребление концептуально значимо.

Установлено, что особенностью экзистенциальных предложений в лирике И. А. Бунина является их синтаксическая необусловленность (прикрепленность не к одному регистру речи, а к трем: репродуктивному, информативному и генеритивному) и полифункциональность (выполнение изобразительной, характеризующе-выводной и генерализующей функций).

К л ю ч е в ы е с л о в а: поэзия И. А. Бунина; идиостиль; синтаксис; экзистенциальные предложения; структурная схема; коммуникативный регистр; функция

Ц и т и р о в а н и е: *Семенова О. А. Экзистенциальные предложения как характерная черта синтаксиса поэтических текстов И. А. Бунина. DOI 10.15826/izv2.2020.22.4.075 // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2020. Т. 22. № 4 (202). С. 256–272.*

Поступила в редакцию: 27.04.2020

Принята к печати: 28.09.2020

Olga A. Selemeneva

*Bunin Yelets State University
Yelets, Russia*

EXISTENTIAL SENTENCES AS A CHARACTERISTIC SYNTACTIC FEATURE OF I. A. BUNIN'S POETIC TEXTS

In this article, existential sentences are examined as a syntactic dominant of I. A. Bunin's lyrical poetry. The interest in the originality of the syntax of Nobel laureate's literary texts is due to the lack of research on this issue, linguists' focus on the aesthetic salience of the vocabulary, its expressive properties and combination potential, as well as stylistic figures and tropes. Meanwhile, it is the writer's selection of specific syntactic structures for the implementation of the idea, the representation of key ideas and concepts that reflect his personality and the peculiarities of his perception of the surrounding world.

The author refers to Bunin's poems from 1886–1917 and 1918–1953 published in Bunin's collected works in 9 volumes.

In the writer's poetic oeuvre, existential sentences are regularly used. Despite the traditional structure that underlies them and is represented by three meanings ('the object of being', 'being', and 'area of being'), the richness of the lexical content of each of the main components stands out. As a result, existential sentences become a universal form used to represent completely different situations in the author's individual worldview: the existence of natural objects in space, meteorological phenomena, events, time periods, artifacts, etc.; physical states of the surrounding world; psychological states of the subject.

Acting as a semantic core of a poetic text, existential sentences do not have a fixed place in it, and are used as a lyrical beginning, an interposed element, or an ending in its structure. In each position, their use is conceptually significant.

It is established that the peculiarity of existential sentences in Bunin's lyrical poetry is their syntactic unconditionality (attachment to three registers of speech, i.e. reproductive, informative, and generative) and polyfunctionality (performing the pictorial, characterising and concluding, and generalising functions).

Key words: Bunin's poetry; idiostyle; syntax; existential sentences; structural scheme; communicative register; function

For citation: Selemeneva, O. A. (2020). Ekzistentsial'nye predlozheniia kak kharakternaia cherta sintaksisa poeticheskikh tekstov I. A. Bunina [Existential

Sentences as a Characteristic Syntactic Feature of I. A. Bunin's Poetic Texts]. *Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2: Humanities and Arts*, 22, 4 (2020), 256–272.
doi: 10.15826/izv2.2020.22.4.075

Submitted: 27.04.2020

Accepted: 28.09.2020

Введение

В отечественной и зарубежной филологии интерес к творчеству И. А. Бунина — певца дворянского усадебного быта и русской природы с ее монохромными пейзажами, далями, просторами, вольным ветром и яблоневыми садами, — всегда был неизменно высок.

Поэтическое и прозаическое наследие писателя, его жанровое и тематическое разнообразие литературоведы изучали в самых разных аспектах: религиозно-философском, нравственно-этическом, философско-эстетическом, мифопоэтическом, генетико-эволюционном и др. Буддийское вероучение и концепция Востока, библейско-христианская образность, сложность маринистики и интертекстуальные связи «морских» произведений, «метафизика любви», жанровые новации прозы и поэзии, эстетизация повседневности — это далеко не полный перечень вопросов, уже затронутый в буниноведении [Афанасьев; Владимиров; Волков; Малишевский; Смольянинова].

Лингвисты, исследуя своеобразие языка прозы и поэзии И. А. Бунина, концентрировались в основном на описании единиц лексико-фразеологического уровня (антропонимов, топонимов, диалектной и перцептивной лексики), а также разных видов стилистических фигур и тропов (сравнение, метафора, градация, гипербола, антитеза и др.). Хотя очевидно, что для характеристики идиостиля любого писателя, построения вербального яруса произведения чрезвычайно важно исследовать не только эстетическую значимость слова, его экспрессивные и сочетательные возможности, используемые с целью создания образов и ассоциаций, но и особенности синтаксиса художественных текстов. Ведь отбор автором тех или иных синтаксических структур в полной мере отражает его языковую индивидуальность, эмоционально-психологические особенности восприятия окружающего мира и себя в этом мире. Репрезентация авторской концептуальной системы, ключевых идей и образов художественной картины мира требует строгого отбора и индивидуальных трансформаций синтаксических единиц.

Между тем работы, раскрывающие своеобразие синтаксиса произведений И. А. Бунина, встречаются sporadically. Например, И. А. Фигуровский выделил в произведениях писателя «синтаксическую доминанту однородности», проявляющуюся особенно ярко в «предельно-распространенных» предложениях констатирующего типа. Эти конструкции, достигая большого размера, сообщают множество подробностей о герое, месте и времени действия и занимают начальную (открывающую) позицию почти в половине новелл цикла «Темные аллеи»

[Фигуровский, с. 63–64]. Н. А. Родионова в качестве особого синтаксического способа оформления «логизированных» портретных бунинских описаний указала многокомпонентные предложения с разными видами связи [Родионова, с. 184]. И. А. Ефремов в простых предложениях с рядами однородных членов, с уточняющими конструкциями, обособленными определениями, сложных предложениях, построенных по принципу контраста, увидел средство ритмизации прозаического бунинского повествования [Ефремов, с. 96–99].

Таким образом, малоизученность вопроса функционирования синтаксических единиц в текстах И. А. Бунина обусловила наше обращение к выбранной теме.

Фактическим материалом исследования послужили поэтические тексты автора 1886–1917 гг. и 1918–1953 гг., включенные в девятитомное собрание сочинений 1965–1967 гг. Общий объем стихотворений составил 735 единиц, исключая переводы американских, английских, французских, итальянских и других поэтов (Г. Лонгфелло, Дж. Байрон, А. де Мюссе, Ф. Петрарка, А. Мицкевич, Т. Шевченко А. Исаакян, Х.-Н. Бялик и др.).

При отборе экзистенциальных предложений и формировании картотеки примеров мы исходили из лингвокогнитивного подхода к семантике указанных конструкций, в основе которого лежат идеи когнитивной лингвистики, в частности понятие синтаксического концепта (или типовой пропозиции). К таким концептам, входящим в семантическое пространство русского языка, лингвисты относят «бытие объекта», «пациент испытывает состояние», «бытие признака объекта», «небытие объекта», «инобытие объекта», «самостоятельное перемещение агенса», «враждебная деятельность» и др. [Волохина, Попова, с. 169; Попова, с. 30]. Каждый из концептов фиксируется в языке определенной структурной схемой, интерпретируемой как языковой знак, отличающийся информативной достаточностью. В качестве метаязыка описания схем используются местоименные слова, обобщенная глагольная лексика: «кто/что есть какой», «кого/чего нет где», «кто действует чем» и др. [Попова, с. 30]. Ядерной структурой, репрезентирующей концепт «бытие объекта», выступает структурная схема «кто/что есть где», лежащая в основе предложений, традиционно именуемых экзистенциальными.

Лингвокогнитивный подход, в отличие от логического, позволяет значительно расширить состав экзистенциальных предложений, поскольку порядок слов, тема-рематическое членение не рассматриваются в качестве признаков, отграничивающих бытийные предложения от характеризующих с локальным компонентом, как это происходит при логическом подходе к семантике предложения и выделении основных типов логических отношений в них [Арутюнова; Арутюнова, Ширяев; Babby; Lumsden; McNally]. Причина игнорирования перечисленных критериев кроется в том, что они «не заложены в системе языка» и проявляются лишь в пределах, допускаемых этой системой [Попова, с. 22]. Русский язык «позволяет перемещать внутри высказывания блоки словоформ, обслуживающих одну позицию схемы» [Там же]. Иными словами, при лингвокогнитивном подходе предложения типа *Тишина стоит в лесу; Здесь есть грибы;*

Яркая звезда была на небе являются локативно-бытийными, построенными по одной структурной схеме «кто/что есть где», которая выступает языковым знаком концепта «бытие объекта» и в речевой реализации претерпевает грамматические и структурно-семантические модификации.

О структурно-семантической организации экзистенциальных предложений в лирике И. А. Бунина

Несмотря на то, что художники слова в полной мере используют все богатство синтаксических конструкций национального языка, какие-то из них обладают более регулярной воспроизводимостью в текстах и становятся доминантными. К подобным конструкциям в поэзии И. А. Бунина можно отнести экзистенциальные предложения.

Известный отечественный лингвист Н. Д. Арутюнова отмечала, что в русской языковой картине мира экзистенциальные предложения являются «излюбленной формой сообщения» [Арутюнова, с. 229]. Очевидным здесь кажется вывод: Бунин-поэт не оригинален в выборе формы для выражения своих представлений о мире. Действительно, подобную форму избирали и другие поэты: А. Ахматова, К. Бальмонт, А. Блок, Н. Гумилев, М. Цветаева [Патроева]. Однако форма похожа на инструмент: важно не только ее выбрать, но и использовать. В этом своеобразии процесса использования и состоит уникальность, неповторимость, индивидуальность стиля художника слова, настоящего Мастера.

Мы уже отмечали, что структурное ядро всех экзистенциальных предложений составляет схема «кто/что есть где», означаемое которой сформировано тремя смыслами: 'объект бытия' («кто/что»), 'бытие' («есть») и 'область бытия' («где»). Объект бытия как первый облигаторный компонент описываемой структуры морфологически имеет несколько форм выражения, различающихся частотностью реализации в поэтических текстах И. А. Бунина: имена существительные в форме И. п. (более 85 % рассмотренных контекстов), личные местоимения 1-го и 3-го лица, указательное местоимение *то* (около 11 % контекстов), синтаксически несвободные словосочетания (около 4 %). Например:

Вперед *большак*, *подвода*,
Старый *пес* у колеса, –
Вперед *опять свобода*,
Степь, *простор* и *небеса*.

«Цыганка» [Бунин, т. 1, с. 67]

Над горой далекой и высокой
Две звезды полночные лежат.

«Теплой ночью, горною тропинкой...»
[Там же, с. 364]

Лексическое значение единиц, называющих объекты, существующие в пространственно-временном континууме, позволяет систематизировать их

в несколько групп, наиболее регулярными из которых являются: «Абстрактные понятия» (*бытие, жизнь, красота, смерть* и др.); «Артефакты» (*венец, гробница, мечеть, распятие, скамья, фонтан, церковь* и др.); «Астрономические объекты» (планеты, звезды, звездные скопления, галактики: *Вега, звезда, Марс, месяц, Млечный Путь, Орион, Плеяда, солнце* и др.); «Атмосферные явления» (оптические, электрические, конвективные и др.: *буря, дождь, закат, зарница, заря, иней, метель, мгла, молния, снег, облака, радуга, роса, туман* и т. д.); «Водные объекты» (*Гелеспонт, Мертвое море, озеро, родник, Черное море* и т. д.); «Времена года и части суток» (*весна, вечер, день, зима, лето, ночь, осень, утро* и т. п.); «Живые существа» (*воин, ворон, всадник, король, кошка, мотылек, павлины, прохожий, ребенок, удав, цапля* и др.); «Природные зоны и основные их растения» (*береза, лес, луг, пустыня, рожь, степь, цветы, яблоня* и др.); «Состояния природы» (физические состояния природы типа *зной, темнота, тепло, тишина*, включая антропоморфные *грусть, печаль, радость, сон* и др.). Например:

Там минареты и мечети,
Их росписные купола.
Там шум реки, базар под сводом,
Сон переулков, тень садов...
«Пустыня в тусклом, жарком свете...»
[Бунин, т. 1, с. 381]

И цветы, и шмели, и трава, и колосья,
И лазурь, и полуденный зной...
«И цветы, и шмели, и трава, и колосья...»
[Бунин, т. 8, с. 8]

Лексемы, называющие объекты бытия, выступают своего рода словами-стимулами, рождающими у читателя ассоциации, складывающиеся в целостную картину объективной действительности. Некоторые из перечисленных лексем репрезентируют ключевые для авторской картины мира концепты: *небо, степь, лес, звезда, счастье, жизнь, тишина, красота, ночь*. Они регулярно вступают в синтаксическую связь со словоформами с атрибутивным значением. Среди образующихся словосочетаний обнаруживаются синестетические и синестемические. Первые возникают в результате функционально-семантического синкретизма номинаций ощущений, полученных от разных анализаторов (зрительного и тактильного, вкусового и слухового), а вторые — синкретизма номинаций перцептивных ощущений и эмоций. Например:

В ауле тишина
И теплый блеск.
«Дия» [Бунин, т. 1, с. 272]
Это было весной. За восточной стеной
Был горячий и радостный зной.
«Иерусалим» [Там же, с. 275]

Экзистенциальные предложения с синестетическими и синестемическими конструкциями становятся средством отражения неповторимости авторского видения мира, особой бунинской эстетики, проявляющейся в умении даже в небольшом по объему поэтическом тексте создать «эффект предельной ощутимости изображаемых явлений» [Стернин, Фененко, с. 74].

Вторым конститутивным элементом структурной схемы, лежащей в основе экзистенциальных предложений, выступает локативный компонент, именуемый 'область бытия'. Морфологически он представлен наречиями с пространственным значением и соотносительными предложно-падежными формами существительных или местоимений: *вверху, внизу, вдалеке, в горе, в лесах, над бездной, над всем, на нем* и др. Подобные локативные компоненты делятся на две подгруппы: собственно локализаторы и квазилокализаторы. Первая подгруппа включает наименования неограниченного пространства, попадающего в поле зрения лирического героя (*там, здесь, вдали, кругом, вокруг, надо мной* и др.); конкретные пространственно-предметные области окружающего мира (*в саду, в степи, в Мертвом море, в глуши, на севере, в березах, над полями* и др.); части тел живых и мифических существ (*в руке, на голове* и др.); артефакты (*на столе, на кресте, в храме, на скамье* и др.); вторая — наименования абстрактных сущностей (*в горе, в радости, в шуме, в красоте* и т. п.). Например:

Там хлябь и мгла.

«Уныние и сумрачность зимы...»

[Бунин, т. 8, с. 23]

*На косогоре далеком — призрак дубравы,
В мокром лугу перед домом — белые травы.*

«В гелиотроповом свете молний летучих...»

[Там же, с. 17]

*Люблю я смех и радость,
Но в радости моей — всегда тоска,
В тоске всегда — таинственная сладость!*

«Джордано Бруно» [Бунин, т. 1, с. 270]

Если для автора важно актуализировать время существования явления, предмета, события, пространственный компонент легко замещается временным. Такие локализаторы представляют уже «временное пространство», в котором реализуется описываемая ситуация:

*Вечером — туман, молочно-серый,
Дымный, непроглядный.*

«Венеция» [Там же, с. 362]

Третьим компонентом структурной схемы анализируемых экзистенциальных предложений выступает знак бытия, представленный разными группами глаголов: а) собственно бытийными (*быть, есть*);

- б) делексикализованными (*стоять, лежать*);
в) глаголами с фазовыми семами в своих семемах (*наступить, начаться, подниматься, пройти, угаснуть* и др.);
г) лексикализованными (*блестеть, бушевать, голубеть, синеть, царить* и нек. др.).

Глагол *быть* (как вариант *есть*) выражает бытийный признак максимально абстрактно; в делексикализованных глаголах к бытийному значению добавляются значения, связанные с конкретизацией положения объекта в пространстве; глаголы, имеющие фазовые семы в своих семемах, фиксируют конец или начало бытия объекта; в лексикализованных глаголах характеризующее значение доминирует над бытийным.

Для стиля И. А. Бунина характерно употребление экзистенциальных предложений с делексикализованными и лексикализованными глаголами. Это не случайно, поскольку значительная часть бунинской лирики — пейзажная, в которой автор стремился показать природу как объект эстетического наслаждения, источник грусти и восторга. Бунин-пейзажист любил запечатлеть циклическую смену дня и ночи, времен года, радостное весеннее обновление или, напротив, осеннее увядание, зимний летаргический сон. Детализации и точности описываемых ситуаций способствовало введение в экзистенциальные предложения указанных групп глаголов. Например:

А вдалеке, на жнивьях золотых,
Стоит туман, прозрачный и лазурный.
«В степи» [Бунин, т. 1, с. 72]

Меж круглых рыхлых облаков
Невинно небо *голубеет*...
«Бушует полая вода...» [Там же, с. 80]

В речевой реализации структурной схемы экзистенциальных предложений «кто/что есть где» один или два из описанных конститутивных компонентов (знак бытия и локальный компонент) часто отсутствуют. Однако это не мешает восприятию и декодированию текста, поскольку эллипсис значимых элементов компенсируется созданием одновременно нескольких перцептивных ситуаций во временном плане настоящего:

Ограда, крест, зеленая могила,
Роса, простор и тишина полей...
«Ограда, крест, зеленая могила...»
[Там же, с. 265]

Ледяная ночь, мистраль.
«Ночь» [Бунин, т. 8, с. 25]

Разнообразие лексического наполнения конститутивных компонентов рассмотренной структуры позволяет заключить, что в лирических текстах

И. А. Бунина экзистенциальные предложения используются в качестве уникальной формы номинации очень большого спектра экстралингвистических ситуаций: существования различных природных объектов и явлений в пространстве; физических состояний окружающего мира; психологических состояний субъекта; конкретных предметов, попадающих в поле зрения Наблюдателя; бытия событий, временных отрезков, абстрактных понятий и др. Например:

Полночь, поздняя осень, мороз.
«Сказка о козе» [Бунин, т. 1, с. 380]

В ее лице — застывшая печаль...
«Забытый фонтан» [Там же, с. 174]

Льет без конца. *В лесу туман.*
«Льет без конца» [Бунин, т. 8, с. 20]

Лаконизм и строгость выбранной универсальной формы для выражения авторской картины мира, ее ключевых идей подчеркивают стройность и последовательность бунинской «концепции языка», заключающейся в принципиальном отсутствии вычурности, нарочитой затемненности смысла, «ложной красоты» [Волынская, с. 54].

Экзистенциальные предложения актуализируют традиционные для любовной, пейзажной, философской лирики И. А. Бунина темы: исторической и культурной памяти, настоящего и прошлого, непрерывности бытия природы и быстротечности, мимолетности человеческой жизни, одиночества любви.

Позиция экзистенциальных предложений в структуре поэтических текстов И. А. Бунина

В структуре бунинского поэтического текста экзистенциальные предложения занимают нефиксированное место, однако использование их как лирического зачина, концовки или интерпозитивного элемента стихотворения всегда концептуально значимо.

Специфический тип зачина, представленный предложениями со значением бытия объекта, в лингвистике называют экзистенциальным и выделяют при сопоставлении с фактуальным (номинация события), риторическим (восклицание, вопрос, обращенный к потенциальному собеседнику), апеллятивным (представлены вокативами с характеризующей функцией) и др. [Патроева, Лебедев, с. 231]. Выступая в роли зачина, экзистенциальные предложения занимают самую «сильную» позицию в тексте. В этой инициальной позиции они становятся маркерами не только ключевого образа (предмета или лица), знакового для лирического героя места, времени года, но и темы всего стихотворения:

Здесь, в старых переулках за Арбатом,
Совсем особый город... Март, весна.

«В Москве» [Бунин, т. 1, с. 271]

Здесь царство снов. На сотни верст безлюдны
Солончаков нагие берега.

«Ковсерь» [Там же, с. 182]

В позиции концовки лирического текста экзистенциальные предложения представляются сообщениями выводного характера, концентрированным способом выражения размышлений автора о гармонии в мире, сущности любви и счастья, их общеаксиологической оценки и источников. Особым воздействующим на читателя потенциалом обладают те из конструкций, которые соединяют коммуникативную и эмотивную функции. Такие экзистенциальные предложения становятся средствами выражения эмоциональной оценки, восторга и воодушевления автора:

Сохрани убор венчальный,
Сохрани цветы твои:
*В жизни краткой и печальной
Светит только безначальный,
Непорочный свет любви!*

«Эпиталама» [Там же, с. 163]

Гимн природы животворный
Льется к небесам...
*В ней твой храм нерукотворный,
Твой великий храм!*

«В костеле» [Там же, с. 74]

Занимая интерпозитивное положение, предложения с экзистенциальным значением реализуют свой функциональный потенциал в зависимости от выбранной автором темы. В пейзажной лирике они участвуют в создании конкретно-чувственной картины природного мира во всем ее богатстве и полноте, а в любовной и философской — становятся смысловым ядром стихотворения, аккумулируя в себе наиболее важные идеи бунинской картины мира: катастрофичность бытия, сопряженность любви и смерти, мимолетность человеческого бытия, быстротечность счастья:

Я часто вспоминаю осень юга...
*Теперь на Черном море непрерывно
Бушуют бури: тусклый блеск от солнца,
Скалистый берег, бешеный прибой
И по волнам сверкающая пена.*
Ты помнишь этот берег, окаймленный
Ее широкой снежною грядой?

«Отрывок» [Там же, с. 162–163]

Беру твою руку и долго смотрю на нее,
Ты в сладкой истоме глаза поднимаешь несмело:
Вот в этой руке — все твоё бытие,
Я всю тебя чувствую — душу и тело.

«Беру твою руку...» [Бунин, т. 1, с. 108]

Как интерпозитивный элемент поэтических текстов экзистенциальные предложения служат средством «консервации» впечатлений и ощущений, полученных И. А. Буниным в многочисленных путешествиях по Европе, странам Ближнего и Среднего Востока, Северной Африки, Дальнего Востока и Южной Азии. Выбранная форма позволяет создавать объемные, жипописно-пластичные образы Венеции, Греции, Египта, Палестины, Цейлона и др.:

В светлом небе
Над пьядеттой, против папских статуй
На фасаде церкви — бледный месяц...
«Венеция (Восемь лет в Венеции я не был...)»
[Там же, с. 362]

Тенистая дорога
В кокосовом лесу, среди кокосов —
Лачуги сингалесов... Справа блеск,
Горячий зной сухих песков и моря...
«Цейлон» [Там же, с. 406]

В лирике И. А. Бунина обнаруживается небольшая доля особых экзистенциальных предложений с глаголом *есть*, совмещающим бытийное и ассерторическое значение. В этих синтаксических конструкциях глагол *есть* несет семантику настоящего неактуального (постоянного) времени. Подобные экзистенциальные предложения также служат средством создания местного колорита:

Есть леопард, — он лакомка, он жрет,
Когда убьет собаку, только сердце;
Есть кабаны и губачи-медведи;
Есть дикобраз — бежит на водопой,
Подняв щетину, страшно деловито,
Угрюмо, озабоченно...
«Цейлон» [Там же, с. 408]

В бунинской поэзии встречаются тексты, практически полностью состоящие из экзистенциальных предложений, когда структура первого стиха задает общую модель построения всего остального текста. Однако Бунин-художник необычайно искусен: даже при доминировании одной выбранной формы выражения в сознании читателя возникает наглядная и почти осязаемая картина:

В полях сухие стебли кукурузы,
Следы колес и блеклая ботва.

*В холодном море — бледные медузы
И красная подводная трава.
Поля и осень. Море и нагие
Обрывы скал. Вот ночь, и мы идем
На темный берег. В море — летаргия
Во всем великом таинстве своем.
«Ты видишь воду?» — «Вижу только ртутный
Туманный блеск...» Ни неба, ни земли.
Лишь звездный блеск висит под нами — в мутной
Бездонно-фосфорической пыли.*

«В полях сухие стебли кукурузы» [Бунин, т. 1, с. 309]

Выступая смысловым центром, семантическим ядром стихотворений, экзистенциальные предложения в предельно лаконичной форме отражают и индивидуальную авторскую картину мира, и специфику национальной картины мира, актуализируя идеи единения человека с природным миром, одушевления природы и любования ею.

Регистрообразующие потенции экзистенциальных предложений в поэтических текстах И. А. Бунина

Рассмотрение экзистенциальных предложений как одного из главных средств организации бунинских поэтических текстов ставит вопрос их отнесенности к той или иной структурно-композиционной форме речи, отличающейся от других тремя основными признаками: способом восприятия и познания мира (сенсорный или ментальный); специфическим характером отражаемой действительности и пространственно-временной дистанцированностью от описываемых явлений, состояний, признаков, процессов; коммуникативными интенциями говорящего. В коммуникативной грамматике Г. А. Золотовой такие текстовые формы, противопоставленные по перечисленным признакам и формирующие текстовую модель мира, получили название «коммуникативные регистры» [Золотова, Онипенко, Сидорова, с. 393]. Всего выделяют пять коммуникативных регистров (репродуктивный, информативный, генеритивный, волюнтивный и реактивный), два из которых — репродуктивный и информативный — представляются в описательном и повествовательном вариантах.

Изучение структурно-семантических типов предложений (не только с экзистенциальным значением) через призму теории коммуникативных регистров значимо потому, что каждое отдельно взятое предложение может быть рассмотрено и изолированно, поскольку регистр — это понятие, абстрагированное от какого-либо определенного количества предикативных единиц, составляющих его, и как часть текста, несущая его признаки.

Особенностью экзистенциальных предложений в лирических текстах И. А. Бунина является их синтаксическая необусловленность: они не прикреплены

только к одному регистру. Эти синтаксические конструкции формируют три регистра: репродуктивный, информативный, генеритивный.

В репродуктивном регистре экзистенциальные предложения обычно воспроизводят ту картину, которую наблюдает лирический герой в актуальном настоящем:

Вот и скамья, и соломенный зонт,
Дальше обрыв...

«К вечеру море шумней и мутней...»
[Бунин, т. 1, с. 374]

Осенний день. Степь, балка и корыто.

«Осенний день» [Там же, с. 449]

Реже И. А. Бунин использует глаголы совершенного вида прошедшего времени в перфективной функции или собственно бытийный глагол *быть* в форме прошедшего времени в имперфективной функции. В первом случае акцентируется переход явления, предмета, лица из бытия в небытие или наоборот, во втором — бытие предстает в наблюдаемой протяженности:

Ночь наступила, день угас...

«Ночь наступила, день угас...»
[Там же, с. 97]

Была весна, и жизнь была легка.

«Была весна...» [Бунин, т. 8, с. 18]

В экзистенциальных предложениях репродуктивного регистра текстовое время и время перцептивное (время восприятия) совпадают. Композиционная функция таких предложений — изобразительная: изображение единичной конкретной ситуации присутствия предмета, лица, явления, состояния в пространстве в актуальном времени.

Второй регистр, в формировании которого принимают участие экзистенциальные предложения в лирических текстах И. А. Бунина, — это информативный. В этом регистре экзистенциальные предложения не являются средством изображения единичной ситуации присутствия, наличия чего-либо или кого-либо в окружающей лирического героя действительности. Экзистенциальные предложения представляют номинируемую ситуацию существования как следствие многократного наблюдения, узуса, знаний, полученных в результате ряда логических операций:

Толчется сеткой мошкара,
Шафранный свет над полем реет —
И, значит, завтра вновь жара
И вновь сухмень.

«Донник» [Бунин, т. 1, с. 244]

У ворот Сиона, над Кедроном,
На бугре, ветрами обожженном,
Там, где тень бывает от стены,
Сел я как-то рядом с прокаженным,
Евшим зерна спелой белены.

«У ворот Сиона, над Кедроном...»
[Бунин, т. 1, с. 443]

В приведенных примерах выделенные экзистенциальные предложения не номинируют ситуаций в актуальном времени. Они представляют логический вывод Наблюдателя на основе имеющегося знания о фактах объективной действительности: тень от предметов появляется в определенное время суток, обилие мошкеры и желто-оранжевый свет предвещают наступление знойной погоды. Дополнительным маркером принадлежности рассматриваемых экзистенциальных предложений информативному регистру становится слово *значит*, указывающее на выводной характер всего предложения, и глагол *бывает*, актуализирующий признак квантифицируемости ситуации бытия, регулярности и повторяемости.

В экзистенциальных предложениях, принадлежащих информативному регистру, перцептивное и текстовое время не совпадают. Композиционная функция рассматриваемого типа предложений в информативном регистре — характеризующе-выводная: такие экзистенциальные предложения содержат вывод как результат мыслительных операций.

В третьем регистре — генеритивном — экзистенциальные предложения заключают информацию о ситуации бытия, соотносенную с универсальным опытом людей. И. А. Бунин инкорпорирует в свои тексты многочисленные сентенции, используя в качестве излюбленной формы предложения с экзистенциальным значением:

Лишь в истине — и цель и красота.
«Джордано Бруно» [Там же, с. 270]

*Настанет день — исчезну я,
А в этой комнате пустой
Все то же будет: стол, скамья
Да образ, древний и простой...*

«Настанет день, исчезну я...»
[Там же, с. 424]

Ни пустоты, ни тьмы нам не дано:
Есть всюду свет, предвечный и безликий... <...>
Есть некий свет, что тьма не сокрушит.

«Свет» [Бунин, т. 8, с. 35]

В экзистенциальных предложениях, принадлежащих генеритивному регистру, происходит абстрагирование ситуации бытия от конкретного места

и времени. Композиционная функция таких конструкций — генерализующая: они соотносят жизненный опыт лирического героя с общечеловеческим знанием, законами мироустройства. В генеритивном регистре анализируемые предложения становятся средством экспликации экзистенциального мотива, характерного для поэзии И. А. Бунина и заключающегося в поиске смысла жизни, истинных ценностей, своего места в мире.

Заключение

Таким образом, анализ синтаксического строя поэзии И. А. Бунина позволяет заключить, что особенностью его идиостиля является использование в качестве синтаксической доминанты текстов экзистенциальных предложений. Форма экзистенциального предложения становится универсальной и используется для номинации очень широкого спектра экстралингвистических ситуаций: не только бытия различных природных объектов и явлений, событий и абстрактных сущностей в пространстве и времени, но и физических состояний окружающего мира, психологических состояний субъекта.

В структуре лирических текстов И. А. Бунина рассматриваемые предложения способны занимать различное место: зачина, концовки, интерпозитивного элемента. От позиции экзистенциального предложения зависит его роль в тексте: маркер ключевого образа и ключевой темы (в инициальной позиции); сообщение выводного характера, средство выражения эмоциональной оценки (концевой элемент); средство создания наглядно-чувственной картины окружающего мира, национального колорита (интерпозитивное положение).

Специфической особенностью употребления экзистенциальных предложений в бунинской лирике становится их синтаксическая необусловленность. Они соотносятся с абсолютно разными коммуникативными регистрами (репродуктивным, информативным, генеритивным) и выполняют изобразительную, характеризующе-выводную и генерализующую функции.

Экзистенциальные предложения демонстрируют целостность и системность восприятия окружающей экстралингвистической действительности Бунина-художника. Они живое свидетельство простоты бунинского языка, его лаконичности, но при этом философичности, точности выражения смысла за счет умения выбрать нужную форму, с которой легко работать, и мастерски наполнить ее соответствующей замыслу лексикой.

Источники

Бунин И. А. Собрание сочинений : в 9 т. Т. 1 : Стихотворения 1886–1917. М. : Худож. лит., 1965 ; Т. 8 : Стихотворения 1918–1953. Переводы. М. : Худож. лит., 1967.

Исследования

Арутюнова Н. Д. Бытийные предложения в русском языке // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1976. Т. 35. № 3. С. 229–238.

- Арутюнова Н. Д., Ширяев Е. Н. Русское предложение. Бытийный тип : структура и значение. М. : Русский язык, 1983.
- Афанасьев В. Н. И. А. Бунин : очерк творчества. М. : Просвещение, 1966.
- Владимиров О. Н. Жанровое движение в лирике И. А. Бунина 1886–1952 годов : дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01 / Томский государственный университет. Томск, 1999.
- Волков А. А. Проза Ивана Бунина. М. : Московский рабочий, 1969.
- Волохина Г. А., Попова З. Д. Синтаксические концепты русского простого предложения. Воронеж : Истоки, 2003.
- Вольнская Н. И. «Наш дар бессмертный — речь» // Русская речь. 1970. № 5. С. 54–57.
- Ефремов В. А. Ассоциативные аспекты ритма лирической прозы (на материале цикла И. А. Бунина «Темные аллеи») // Научный диалог. 2012. Вып. 8: Филология. С. 88–104.
- Золотова Г. А., Онищенко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М. : МГУ, 1998.
- Малишевский И. А. Морской код в творчестве И. А. Бунина : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01. Воронеж, 2015.
- Патрочева Н. В. Инициальные бытийные предложения в русской поэзии XVIII–XX вв. : опыт грамматического и функционально-семантического описания // Язык. Словесность. Культура. 2012. № 5–6. С. 6–31.
- Патрочева Н. В., Лебедев А. А. Синтаксическая организация, размер и семантика инициальных предложений в лирике А. С. Пушкина // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2018. № 53. С. 224–236. DOI: 10.17223/19986645/53/15
- Попова З. Д. Синтаксическая система русского языка в свете теории синтаксических концептов. Воронеж : Истоки, 2009.
- Родионова Н. А. Типы портретных характеристик в художественной прозе И. А. Бунина : лингвостилистический аспект : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01. Уфа, 1999.
- Смольянинова Е. Б. Буддийский Восток в творчестве И. А. Бунина : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01. СПб., 2007.
- Стергин И. А., Фененко Н. А. Импрессивная эквивалентность текста и языковое сознание носителей языка // Вопросы психолингвистики. 2018. № 4 (38). С. 72–80. DOI: 10.30982/2077-5911-2018-4-72-81
- Фигуровский И. А. О синтаксисе прозы Бунина. Синтаксическая доминанта «Темных аллей» // Русская речь. 1970. № 5. С. 63–66.
- Babby L. Existential Sentences and Negation in Russian. Michigan : Karoma Publishers, 1980.
- Lumsden M. Existential Sentences : Their Structure and Meaning. London ; New York : Routledge, 2014.
- McNally L. Existential sentences // Semantics : An International Handbook of Natural Language Meaning / eds. C. Maienborn, K. von Stechow, P. Portner. Berlin : de Gruyter, 2011. Vol. 2. P. 1829–1848.

References

- Arutyunova, N. D. (1976). Bytijnye predlozheniia v russkom iazyke [Existential Sentences in the Russian Language]. *Izvestiia AN SSSR. Seriya literatury i iazyka*, 35(3), 229–238.
- Arutyunova, N. D., & Shiryaev, E. N. (1983). *Russkoe predlozhenie. Bytijnyj tip: struktura i znachenie* [The Russian Sentence. The Ontological Type: Structure and Meaning]. Moscow: Russkij iazyk.
- Afanasjev, V. N. (1966). *I. A. Bunin: ocherk tvorcestva* [I. A. Bunin: An Outline of His Creative Work]. Moscow: Prosveshchenie.
- Babby, L. (1980). *Existential Sentences and Negation in Russian*. Michigan: Karoma Publishers.
- Efremov, V. A. (2012). Assotsiativnye aspekty ritma liricheskoy prozy (na materiale tsikla I. A. Bunina "Temnye allei") [Associative Aspects of the Rhythm of Lyrical Prose (with Reference to I. A. Bunin's Cycle *Dark Alleys*)]. *Nauchnyj dialog*, 8, 88–104.

- Figurovsky, I. A. (1970). O sintaksise prozy Bunina. Sintaksicheskaya dominanta “Temnykh allej” [On the Syntax of Bunin’s Prose. The Syntactic Dominant of *Dark Alleys*]. *Russkaia rech’*, 5, 63–66.
- Lumsden, M. (2014). *Existential Sentences: Their Structure and Meaning*. London; New York: Routledge.
- Malishevsky, I. A. (2015). *Morskoj kod v tvorcestve I. A. Bunina* [Marine Code in Bunin’s Works] (doctoral dissertation abstract). Voronezh State University, Voronezh.
- McNally, L. (2011). Existential Sentences. In C. Maienborn, K. von Heusinger, & P. Portner (Eds.), *Semantics: An International Handbook of Natural Language Meaning* (pp. 1829–1848). Berlin: de Gruyter.
- Patroeva, N. V. (2012). *Initial’nye bytijnye predlozheniia v russkoj poezii XVIII–XX vv.: opyt grammaticheskogo i funktsional’no-semanticheskogo opisaniia* [The Initial Existential Sentences in the Russian Poetry of the 18th–20th Centuries: The Experience of Grammatical and Functional-Semantic Description]. *Iazyk. Slovesnost’. Kul’tura*, 5–6, 6–31.
- Patroeva, N. V., & Lebedev, A. A. (2018). Sintaksicheskaiia organizatsiia, razmer i semantika initial’nykh predlozhenij v lirike A. S. Pushkina [The Syntactic Organisation, Size, and Semantics of the Initial Sentences in Pushkin’s Lyrics]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiiia*, 53, 224–236. doi: 10.17223/19986645/53/15
- Popova, Z. D. (2009). *Sintaksicheskaiia sistema russkogo iazyka v svete teorii sintaksicheskikh kontseptov* [The Syntactic System of the Russian Language in the Light of the Theory of Syntactic Concepts]. Voronezh: Istoki.
- Rodionova, N. A. (1999). *Tipy portretnykh kharakteristik v khudozhestvennoj proze I. A. Bunina: lingvostilisticheskij aspekt* [Types of Portrait Characteristics in Bunin’s Artistic Prose: The Linguostylistic Aspect] (doctoral dissertation). Bashkir State University, Ufa.
- Smol’yaninova, E. B. (2007). *Buddijskij Vostok v tvorcestve I. A. Bunina* [The Buddhist East in Bunin’s Works] (doctoral dissertation). St Petersburg State University, St Petersburg.
- Sternin, I. A., & Fenenko, N. A. (2018). Impressivnaia ekvivalentnost’ teksta i iazykovoe soznanie nositelej yazyka [The Impressive Text Equivalence and Language Consciousness of Native Speakers]. *Voprosy psiholingvistiki*, 4 (38), 72–80. doi: 10.30982/2077-5911-2018-4-72-81
- Vladimirov, O. N. (1999). *Zhanrovoe dvizhenie v lirike I. A. Bunina 1886–1952 godov* [Genre Movement in Bunin’s Poetry of 1886–1952] (doctoral dissertation). Tomsk State University, Tomsk.
- Volkov, A. A. (1969). *Proza Ivana Bunina* [Prose by Ivan Bunin]. Moscow: Moskovskij rabochij.
- Volokhina, G. A., & Popova, Z. D. (2003). *Sintaksicheskije kontsepty russkogo prostogo predlozheniia* [Syntactic Concepts of the Russian Simple Sentence]. Voronezh: Istoki.
- Volynskaya, N. I. (1970). “Nash dar bessmertnyj — rech’” [“Our speech is an immortal gift”]. *Russkaia rech’*, 5, 54–57.
- Zolotova, G. A., Onipenko, N. K., & Sidorova, M. Yu. (1998). *Kommunikativnaia grammatika russkogo iazyka* [Communicative Grammar of the Russian Language]. Moscow: Moscow State University.

Селеменова Ольга Александровна

доктор филологических наук, профессор
кафедры русского языка, методики
его преподавания и документоведения
Елецкий государственный университет
имени И. А. Бунина
399770, Липецкая область, Елец,
ул. Коммунаров, 28.1
E-mail: ol.selemeneva2011@yandex.ru

Selemeneva, Olga Aleksandrovna

Dr. Hab. (Philology), Professor
Department of the Russian Language,
Russian Language Teaching Methodology
and Document Science
Bunin Yelets State University
28.1, Kommunarov Str.,
399770 Lipetsk Region, Yelets, Russia
Email: ol.selemeneva2011@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-0488-8428
ResearcherID: B-6408-2018
Scopus AuthorID: 57204429956